

собою, правда, языки, но въ нихъ *международнаго* не было ровно *ничего*. Авторы почему-то называли свои языки „*всемирными*“, потому развѣ, что во *всемъ* мірѣ не было ни одного лица, съ которымъ можно было бы объясняться на этихъ языкахъ! Если для *всемирности* языка достаточно, чтобы одно лицо назвало его таковымъ, въ такомъ случаѣ каждый изъ существующихъ языковъ можетъ сдѣлаться *всемирнымъ* по желанію каждой отдѣльной личности. Такъ какъ эти попытки наивно были рассчитаны на то, что міръ обрадуется имъ и единодушно дастъ имъ санкцію, а это единодушное согласіе и есть самая невозможная часть дѣла при естественномъ индифферентизмѣ міра къ кабинетнымъ попыткамъ, не приносящимъ ему безусловной пользы, а рассчитаннымъ на его готовность *піонерски* жертвовать своимъ временемъ,—то понятно, почему эти попытки встрѣтили полное фiasco; ибо бóльшая часть міра вовсе не интересовалась этими попытками, а тѣ, которые интересовались, разсуждали, что не стоитъ тратить время на изученіе языка, на которомъ никто меня не пойметъ кромѣ автора; „пусть молъ сначала міръ, или нѣсколько милліоновъ чело́вѣкъ изучать этотъ языкъ, тогда и я его изучу“. И дѣло, которое могло бы приносить пользу каждому отдѣльному адепту только тогда, если бы уже прежде существовала масса другихъ адептовъ, не находило ни одного приверженца и оказывалось мертворожденнымъ. И если одна изъ послѣднихъ попытокъ, „*Volapük*“, *пріобрѣла* себѣ, какъ говорятъ, нѣкоторое количество адептовъ, то это только потому, что сама идея „*всемирнаго*“ языка до того возвышенна и заманчива,